

Эволюция информационных операций в отношениях России и США

Манойло А.В., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, президент Ассоциации специалистов по информационным операциями

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию эволюции операций информационной войны на новейшем отрезке их истории – с момента добровольного вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Современные информационные операции с течением времени действительно меняются, причем их развитие идет по восходящей от простых моделей к более сложным, при этом более поздние операции становятся «точкой сборки» для «лучших практик» (наиболее прогрессивных приемов и уловок), ранее отработанных даже не в одной, а сразу в серии различных оперативных комбинаций.

Ключевые слова: информационная война, информационная операция, международные отношения, международные конфликты, национальная безопасность.

Abstract: This article is devoted to the study of the evolution of information warfare operations in the latest segment of their history - from the moment of the voluntary entry of Crimea into the Russian Federation. Modern information operations do change over time, and their development proceeds in an ascending order from simple models to more complex ones, while later operations become the "assemblage point" for "best practices" (the most progressive techniques and tricks), previously worked out not even in one, but immediately in a series of different operational combinations.

Keywords: information war, information operation, international relations, international conflicts, national security

«Панамское досье» (2015-2016)

Современные информационные операции – это отнюдь не классические информационные кампании, основанные на взрывном пиаре и спецэффектах; это – оперативные комбинации, в реализации которых главную роль играют классические методы агентурной, оперативной, оперативно-технической и оперативно-розыскной работы. За ними всегда стоят разведки того или иного государства.

С момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации (ставшего отправной точкой для появления новых форм и методов информационной агрессии), информационные операции, проводимые США и их военно-политическими союзниками (в основном, Великобританией и Германией), прошли определенный путь развития. Начало этому пути положило т.н. «Панамское досье» - скандал с панамскими офшорами (конец 2015-2016 гг.), в котором впервые была использована новая – итерационная - схема информационно-психологического воздействия, состоящая из последовательности вбросов, разделенных периодами «тишины» (экспозиции) и объединенных в многократно повторяющиеся итерационные циклы (каскады). В дальнейшем все без исключения информационные операции будут проводиться

спецслужбами США по одному и тому же шаблону (стандартной схеме), впервые проявившему себя в 2016 году – в скандале с «панамскими бумагами» («Panama papers»). Появление этой схемы стало сигналом перевода «производства» информационных операций на промышленную (конвейерную) основу; одновременно разработка и реализация операций ИВ перестали быть уделом отдельных элитных групп гениев от разведки и были поставлены поток, а сами операции стали продуктом массового (промышленного) производства и потребления.

Помимо новой организационно-технологической итерационной схемы операции, в «Панамском досье» были использованы и другие революционные приемы:

- легализации оперативной информации (контролируемая утечка), построенная по классической схеме: кража-обнаружение-опубликование;

- предварительное анонсирование содержания и даты следующего вброса (т.н. «преданонс»), ставшее «визитной карточкой» практически всех без исключения информационных операций нового типа;

- кража как механизм попадания конфиденциальной информации в публичное пространство (согласно легенде, «панамские материалы» были украдены у панамской юридической компании «Mossack Fonseca» агентами германской разведки БНД);

- «журналисты-расследователи», выступающие в роли агентов по легализации информации, полученной от спецслужб (т.н. «Международный консорциум журналистов-расследователей»);

- и, наконец, «трансформаторный эффект» - технология, в которой глава государства, которого считают главным объектом информационной операции, внезапно публично отрекается от всех обвинений в свой адрес, перенаправляя (зеркально отражая с многократным усилением – «кумулятивным эффектом») поток внешней информационной агрессии на свое ближайшее окружение (замешанное в тех же делах, в которых обвиняют главу государства); тем самым, он отводил удар от себя, но при этом подставлял под удар свое ближайшее окружение, рассчитывавшее на его защиту и надеявшееся «отсидеться» за его «спиной».

Эти приемы в совокупности и задали контуры современной операции информационной войны, в пределах которых затем получили свое развитие такие крупные операции как «Дело Скрипалей», допинговый скандал с WADA (2015-2018), аргентинское кокаиновое дело (2018) и др. С этого момента стало понятно, что, как бы не пытался лидер другого государства скрыться от информационных атак, его все равно достанут, или сделают так, что его же собственное окружение сдаст его организаторам операции в обмен на определённые гарантии лично себе.

Технической целью «Панамского досье» стало стремление заставить фигурантов скандала публично оправдываться, врать и извиваться – для того, чтобы убедить всех в том, что они – мошенники («наклеить» на них «ярлык»). Методом достижения указанной цели стала травля, которой были подвергнуты фигуранты скандала после опубликования и раскрутки в СМИ соответствующих

компрометирующих материалов. Не все эту травлю выдержали: так, премьер-министр Исландии был вынужден подать в отставку. В свою очередь, травля и прессинг создали в отношении многих фигурантов дела – как уже «разоблаченных» инициаторами скандала, так и тех, чье «разоблачение» было сознательно отложено на потом – вербовочную ситуацию, в которой чиновник, подцепленный на компромате, мог быть завербован на зависимости (под угрозой компрометации). Тем самым, обеспечивалась главная цель любой информационной войны – обеспечение добровольного (в идеале) или вынужденного подчинения противника.

Дальнейшая эволюция форм и методов организации и проведения информационных операций связана с последовательной модификацией исходной схемы путем добавления новых приемов и уловок, способных «зацепить» жертву и вынудить ее совершить необдуманные действия, ведущие к ее дискредитации. Каждая новая операция добавляет в исходную схему что-то новое (новые технологические решения), оставляя при этом неизменной ее базовую часть, по-прежнему представляющую собой последовательность информационных вбросов, разделенных тактическими паузами («периодами тишины»).

Рис.1. Эволюция информационных операций. «Панамское досье» - «Скрипали-II».

Аргентинский кокаин (февраль-март 2018)

В данной операции американские спецслужбы (действовавшие за спиной аргентинских спецслужб) грамотно «засветили» крупную партию кокаина и стали ждать, кто прилетит ее «спасать»; кто именно прилетит, заранее не знали, но надеялись выманить на эту приманку кого-нибудь посущественнее; предполагали, что партию стоимостью 50 млн. евро просто так никто не бросит –

за ней обязательно приедут; будет попытка ее спасти. Очень быстро выясняется, что кокаин вывозили под видом дипломатической почты бортами военно-транспортной авиации ВКС РФ, а, следовательно, в деле были замешаны, предположительно, высокопоставленные чиновники и дипломаты, близкие к руководству РФ. Далее скандал начинает развиваться по сценарию, отработанному в «допинговом скандале с WADA»: на этот раз уже МИД РФ обвиняют в организации наркотрафика (причем не куда-нибудь, а в Европу) и создании ОПГ. Предпринимается попытка поставить знак равенства между российским внешнеполитическим ведомством и наркокартелем. Все это как две капли воды похоже на историю с допингом, когда руководство России обвинили в создании в стране нелегальной «государственной программы поддержки допинга» (очевидно, незаконной) и в организации ОПС (организованного преступного сообщества).

Однако, в отличие от классической схемы операции, «засвеченной» в «Панамском досье», в «Деле об аргентинском кокаине» появляется новый прием: «ловля на приманку». Если в «Панамском досье», «Допинговом скандале с WADA» и «Скрипалях I» информационная атака направлена на конкретных людей (президента РФ и конкретных лиц из его ближайшего окружения), то в «Аргентинском кокаине» в основу оперативной комбинации положен диаметрально другой принцип: не важно, кто прилетит на приманку, важно, что кто-нибудь обязательно в эту ловушку попадет. И этот кто-то обязательно будет из ближнего круга президента РФ, из числа его доверенных лиц. Этот же прием «ловли на живца» будет в дальнейшем использован в «Деле Марии Бутиной».

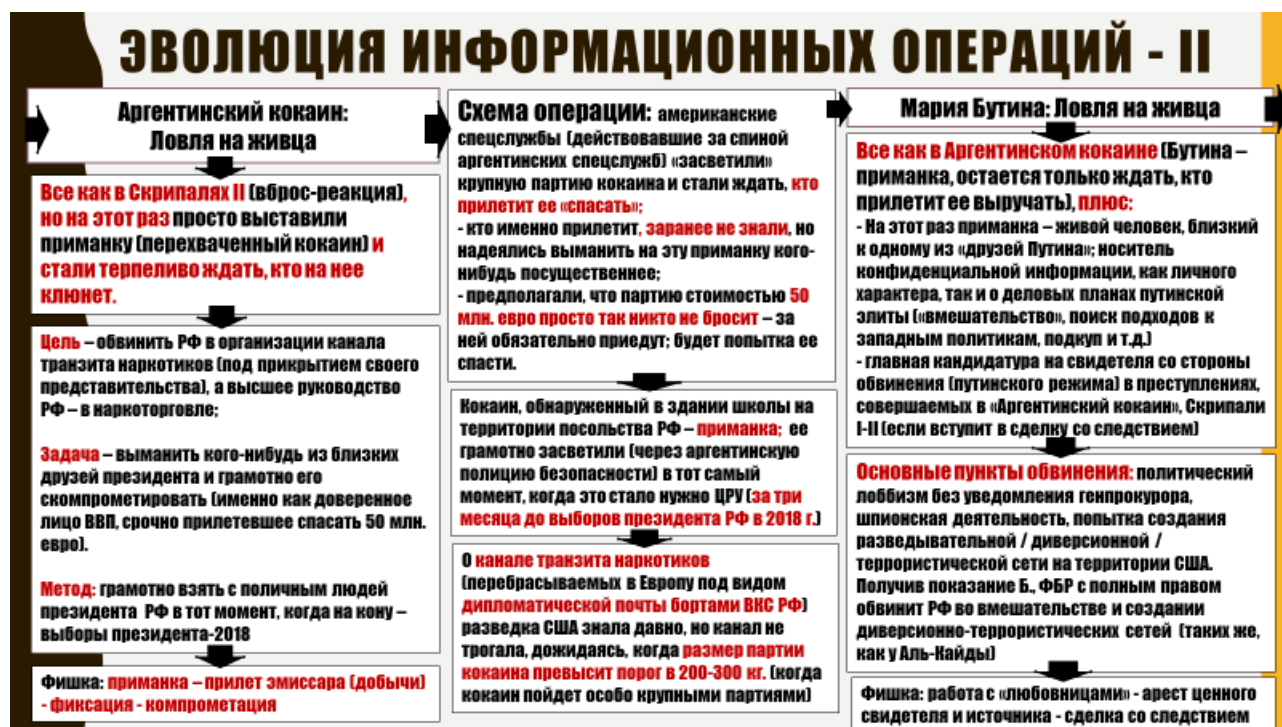

Рис. 2. Эволюция информационных операций. «Аргентинский кокаин» - «Дело Марии Бутиной».

Рис. 3. Эволюция информационных операций. «Бельгийский кокаин» - «Выборы в Интерпол 2018».

Рис. 4. Эволюция информационных операций. «Скрипале III-IV».

Рис. 5. Эволюция информационных операций. «Скрипали-V» - «Идентификация Вагнера».

«Бельгийский кокаин» и Единая Россия (август 2018): Наклеивание ярлыков

Скандал с перехваченной в Генте большой партией кокаина (2 тонны), маркированной символикой, идентичной официальной символике ЕР, в сценарном плане развивается идентично скандалу с кокаином, обнаруженным на территории российского посольства в Аргентине. В нем так же, как в «Аргентинском кокаине», используется прием «ловля на приманку», но на этот раз партия кокаина перехвачена уже в ЕС (Гент, Бельгия), она существенно крупнее аргентинской партии (2 тонны, 100 млн. евро), и она отмаркирована (так, чтобы всем был виден адрес возможного получателя груза). Несмотря на маркировку, схожую с символикой Единой России, принадлежность этой партии наркотика до сих пор не установлена (см. рис. 3).

Цель операции - обвинить РФ в организации канала транзита наркотиков (под «крышей» ЕР), а высшее руководство РФ – в наркоторговле (продолжение «аргентинского следа»), и затем выманить на ответную реакцию кого-либо из высших функционеров ЕР. Используемый для этого метод – это известный в психологии метод «наклеивания ярлыков»; его основная задача - наклеить «ярлык» наркоторговцев на руководство РФ и Единой России. Маркировка, похожая на символику ЕР, нужна для того, чтобы убедить западную общественность в том, что груз кокаина либо принадлежит ЕР, либо ЕР является его получателем (маркировка указывает либо на адрес получателя, либо на принадлежность груза). Примите, распишитесь.

В результате организаторам операции удастся не только «наклеить ярлык наркоторговцев» на ЕР, но и спровоцировать одного из высших функционеров

(члена Генсовета ЕР Е. Ревенко) на поспешный и непродуманный комментарий («Вот она, минута славы! Наконец-то колумбийские наркобароны узнали о существовании Единой России. Как долго мы все этого ждали!»). После того, как «шутливый» комментарий Е. Ревенко лег на бумагу, он стал выглядеть как признание и еще больше скомпрометировал партию; именно благодаря неудачному троллингу Е. Ревенко, прозвучавшему как признание, «ярлык» пристал.

Помимо мастерской работы с «наклеиванием ярлыков», «Бельгийский кокаин» становится очередным этапом в намечающейся «кокаиновой линии» травли РФ: сначала был «Аргентинский кокаин» (389 кг), затем – перехват 2 тонн кокаина в Генте; это уже не случайность, это – тенденция. Впоследствии эту цепочку событий продолжит перехват еще большей партии наркотика в Кабо-Верде в феврале 2020 г. – почти 9,5 тонн.

«Дело Скрипалей», II этап (сентябрь-октябрь 2018)

Во втором этапе операции (начавшегося 5 сентября 2018 г.) в организационно-техническом плане – все то же, как в «Панамском досье» и Скрипалях I: 4 вброса, 4 паузы; идеально отработана схема «вброс-опровержение (со стороны официальных лиц РФ, задетых выпадами в свой адрес) – разоблачение лжи этих лиц новыми вбрасываемыми «фактами»». В режиме пинг-понга отработан прием «ловля на лжи»: стоит только высунуться кому-нибудь из российских официальных лиц со своим неосторожным заявлением – его тут же ловят на многочисленных нестыковках (которым он, конечно, в порыве эмоционального возбуждения, отягощённого эффектом «туннельного зрения», не придает должного значения) и подвергают публичной порке (см. рис. 1).

Сюжет с отравлением Скрипалей заново закручивается после вброса уточняющей информации о фигурантах инцидента (Петров, Боширов), их действиях, намерениях и мотивах. Петров и Боширов не только становятся движками-аниматорами данной истории, они еще и персонифицируют «зло», поразившее Скрипалей: благодаря им «зло» приобретает реальные очертания. Западной аудитории предлагается ненавидеть не абстрактный образ малоизвестного простым западным обывателям ГРУ, а конкретных лиц (записанных в «наемные убийцы») – что психологически проще. Благодаря появлению в спектакле «актеров» скандал вокруг отравления Скрипалей становится «продуктом массового потребления»: он легко «продается» западной аудитории, используя обычные методы политического маркетинга. Сама же «ловля Петрова и Боширова» превращает инцидент в сериал, в «мыльную оперу». Сверхцелью второго этапа операции становится дискредитация президента РФ: убедить всех вокруг, что В.В. Путин лжет, выгораживая себя, – потому что испугался наказания. Для президента РФ это уже третье по счету обвинение, выдвигаемое в его адрес: в 2016 г. – мошенничество с офшорами и отмывание денег («Панамское досье»); в 2016-2018 гг. – организация преступного сообщества с целью государственной поддержки тайной

допинговой программы («Допинговый скандал с WADA») и в 2018 г. – обвинение в организации политического убийства («Дело Скрипалей»). Видно, что с течением времени обвинения в его адрес становятся все более тяжкими, в них фигурируют все более тяжкие составы преступлений.

На данном этапе операции впервые применяется тактический прием, известный под названием «Загонная охота» — это системно организованная травля руководства РФ, якобы причастного к «химической атаке» в Солсбери, путем принуждения их к следованию по линии «красных флажков», выставленных «загонщиками» (организаторами «загонной охоты»). На данном этапе операции применение этой технологии ставит своей целью загнать статусного чиновника в угол и заставить его во всем признаться (или начать оправдываться, многократно попадаясь на нестыковках и лжи). Кроме того, на ГРУ впервые «наклеивается ярлык» международной преступной организации, осуществляющей политические убийства за рубежом. И впервые в скандал втягивается сам президент РФ, которого фактически вынудили на Восточном экономическом форуме поручиться за Петрова и Боширова («все о них знаем, они гражданские») и затем загнали его в ловушку (а фактически «поймали на лжи»).

Для легализации вбрасываемой информации, часть которой напрямую является разведанными спецслужб, полученными оперативным путем, используются технологии «контролируемой утечки»; причем, как в виде заявлений от имени официальных лиц (как в Скрипалях-I), так и в виде публикации «сенсационных разоблачений» в СМИ и на сайтах сообществ «журналистов-расследователей» Bellingcat, Insider, Der Spiegel (как в «Панамском досье»). То есть, комбинированно.

**Скрипали, III этап (тактика удушения, 2019):
Петля анаконды; оперативная разработка ГРУ,
выделение ГРУ в отдельное производство**

Третий этап операции «Дела Скрипалей» (2019 г.) принципиально отличается от двух предыдущих этапов – и в плане тактики, и в плане технологий (см. рис. 4). В этой части операции, занявшей весь 2019 год, появляются сразу несколько революционных технологических решений: тактика «последовательного» (пошагового) «удушения» противника (т.н. «Петля анаконды») путем «затягивания удавки на его шее»; конвергентная тактика «сборки» серии самостоятельно отработанных эпизодов в единую «историю» (в полностью сформированное обвинительное заключение, основанное на этих самых эпизодах, выстроенных в одну логическую цепь рассуждений) и, наконец, активное применение методов оперативной-разведывательной и агентурной деятельности, выдвигающихся в этой фазе операции на передний план. В этом смысле третий этап «дела Скрипалей» больше всего напоминает классическую деятельность разведки – даже больше, чем ловушка («оперативная подстава»), в которую удалось заманить Петрова и Боширова. Значительная часть оперативной информации, легализуемой разведкой через СМИ и различные

сайты журналистов-расследователей, получена в результате «оперативной установки» - специальной разведывательной операции, являющейся, наряду с «контролируемой утечкой», основным инструментом профессиональной деятельности именно спецслужб.

Стратегия третьего этапа операции «Дела Скрипалей» заключается в последовательной отработке внешне не связанных между собой пяти различных эпизодов – с тем, чтобы в «час X» собрать их вместе вокруг шестого эпизода («точки сборки») в полностью сформированное, целостное и аргументированное обвинительное заключение в адрес РФ и его руководства. Доказательной базой этого обвинения должны стать пять заранее отработанных следствием эпизодов, объединённые в единое целое (в одну историю преступной деятельности стороны, в адрес которого выдвигается обвинение). Результатом реализации этой стратегии должно стать обвинительное заключение, возникшее внезапно (фактически, из ниоткуда) и ставшее полной неожиданностью для тех, кого в нем обвиняют. Общественности же объяснят, что обвинение стало очевидным, как только удалось собрать вместе (в рамках одного вновь открытого дела) и сопоставить те самые пять эпизодов, которые прежде рассматривались по отдельности.

Цель операции – медленное, постепенное затягивание «удавки» «на шее» руководства РФ путем независимой отработки шести различных эпизодов, внешне не связанных между собой, но способных собраться в одну логическую схему в заранее намеченной организаторами операции «точке сборки». Ключевой линией в реализации данного этапа операции становится оперативная разработка ГРУ (как спецслужбы и «международной террористической организации») и выделение ГРУ в отдельное производство (в отдельную линию следствия).

Цель и методы

Целью любой информационной операции продолжает оставаться компрометация руководства РФ (в первую очередь, главы государства и лиц из его ближайшего окружения) в интересах 1) принуждения их к совершению (осознанно или неосознанно) действий, выгодных организаторам операции (скрытое управление); 2) создания вербовочных ситуаций, способствующих возможному привлечению их к конфиденциальному сотрудничеству (это касается, в первую очередь, ближайшего окружения главы государства).

В свою очередь, компрометация осуществляется тремя основными способами:

- прямая компрометация конкретного лица (президента РФ или конкретного лица из его ближайшего окружения – «друзей Путина») путем «наклеивания ярлыков», выдвижения обвинений или «ловли на лжи»;

- компрометация конкретного института власти (МИД, ЕР) с целью дальнейшей экстраполяции (перенесения) выдвинутых обвинений на президента РФ, которому этот орган подчиняется;

- компрометация президента РФ путем использования приемам «ловли на приманку» или «живца» - через компрометацию лица из его ближайшего окружения, «клянувшего на приманку» и попавшегося.

При этом операции по компрометации могут осуществляться как пассивно, так и активно. Пассивная форма компрометации осуществляется по заранее сформированному плану или программе, не подлежащему изменению и не предполагающему активного взаимодействия с объектом атаки, а только считывание и интерпретацию его ответных реакций – в компрометирующем его ключе. Именно так были построены «Панамское досье» или «Допинговый скандал с WADA». Активная компрометация обязательно включает в себя элементы оперативной игры, в которой объекта атаки выводят на эмоции и провоцируют на совершение ответных действий - как правило, панического характера, которые затем и становятся доказательной базой для его окончательной компрометации. Особенно хорошо это проявляется, когда объект атаки, выгораживая себя, начинает врать и оправдываться. На этой лжи его и ловят.

Для компрометации объекта в современных информационных операциях используются четыре основных метода:

- «Ловля на лжи»;
- «Загонная охота»;
- «Ловля на приманку» или «живца»;
- прямой шантаж, сопровождающийся выдвиганием ультиматумов в адрес конкретного человека или страны (рис. 8).

Рис. 8. Классификация информационных операций по используемым методам и уловкам.

«Ловля на приманку» реализовывалась сразу по двум направлениям:

1) приманка – кокаин (возрастающие партии кокаина, перехваченные в Аргентине-Бельгии-Кабо-Верде); цель – удар по репутации (компрометация) РФ и ее руководства, а также - по доходам организовавших этот канал поставки (по мнению западных разведок, это люди, близкие к руководству РФ);

2) с лета 2018 г. начинается «ловля на живца» – в этой роли последовательно выступают Бутина (ценный свидетель обвинения – носитель инсайда, которую затем удалось склонить к сделке со следствием), сам Скрипаль (эвакуация в Новую Зеландию – провоцирует желание найти и «дотравить»; взять посланную за ним группу и сделать из них тоже свидетелей обвинения) и, наконец, летом 2020 года – т.н. группа «вагнеровцев» (ценные носители информации – перспективны как возможные главные свидетели обвинения – в случае, если начнут давать показания). Тактика действий проста: выманить (кого-нибудь из представителей РФ)-задокументировать-затравить.

Наиболее успешными операциями, в которых применялась тактика «Загонной охоты», стали: «WADA» - «Скрипаль II» - «Идентификация Вагнера», в которых тактика «следования в загон» была реализована, в том числе, с навязанным объекту преследования «выбором» из двух, в равной степени для него катастрофических, путей следования (т.н. «вилка» навязанного выбора).

Самой продуктивной стратегией (с точки зрения формирования обвинения в совершении преступлений в национальном и международном масштабе) стала «Петля Анаконды», наиболее ярко и эффектно проявившая себя в операции «Скрипаль-III». Использование этой стратегии, даже несмотря на довольно скромный конечный результат третьего этапа «Дела Скрипалей», показало свою перспективность и, фактически, открыло для современных операций информационной войны новые горизонты.

«Дело Навального» дало повод обвинить руководство РФ во «внутреннем терроризме» и ассоциативно связать с другими инцидентами за рубежом (рис. 9).

Рис. 9. Структура и характер обвинений в адрес Российской Федерации и ее высшего руководства.

Какой должна быть российская информационная операция

В свете стремительно эволюционирующих информационных операций США закономерно возникает вопрос, какой именно должна быть схема российской информационной операции, способная на равных конкурировать с технологически продвинутыми американскими аналогами.

Схема российской операции информационной войны, удовлетворяющая этим требованиям, представлена на рис. 10. Структурно она состоит из четырех этапов, включающих в себя: провокацию (1); приманку (2); разоблачение (3); прививку (4). Технологически в данной операции сочетается несколько приемов: рефлексивное управление (путем провоцирования противника на совершение немедленных ответных действий); «ловля на приманку»; публичное разоблачение «клюнувших на приманку» и, наконец, «прививка», позволяющая «жертве» внутренне смириться с поражением на условиях организаторов информационной операции.

Рис. 10. Схема российской информационной операции.

В целом, тактика современных информационных операций состоит в том, чтобы «зацепить» жертву, вывести ее на эмоции и заставить метаться в поисках выхода из сложившейся ситуации (или спасения). Если жертва начинает метаться, ее ловят на обязательно совершаемых ею ошибках и еще сильнее сжимают удавку на шее; если она впадает в гнев или ярость и начинает яростно отрицать свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, ее последовательно ловят на лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, из которого выход может быть открыт только на

условиях «загонщика». На это и рассчитана провокация – первый шаг российской модели информационной операции. Ее задача – мобилизовать жертву атаки, сфокусировать ее внимание на угрозе и лихорадочном поиске ее источника. При этом допускается серия из нескольких последовательных (тестирующих) провокационных вбросов, прощупывающих объект атаки с разных сторон. На одну из этих провокаций будущая жертва атаки обязательно поведется.

В большинстве современных операций считается достаточным, если жертва отреагирует на раздражители или мотиваторы, содержащиеся в вбросе, и эти мотиваторы спровоцируют ее на совершение немедленных ответных действий. Однако этот эффект будет еще сильнее, если использовать провоцирующий вброс как инструмент взлома психики жертвы с целью выведения ее из себя. Если это происходит, жертва на эмоциях начинает метаться в поисках выхода, и в этот момент ей можно «предложить» приманку – тот самый крючок, на который она гарантированно клюнет – и сразу же попадется. Если спокойствие жертвы изначально взломать провоцирующим вбросом, ей будет крайне сложно в дальнейшем распознать в подсовываемой ей приманке ловушку, так как ее действиями и поступками будут руководить эмоции, а не разум.

Приманку подсовывают под нос мишени, находящейся в активном поиске источника угрозы, откуда ей «прилетел» провокационный вброс, и наводят на нее (приманку) фокус внимания мишени. При этом одновременно размещается сразу несколько приманок и крючков: неизвестно, на какую именно объект клюнет.

«Заглотив» приманку, жертва информационной операции окажется полностью в власти организаторов операции – ее останется только подсечь (как на рыбалке) и, при попытке сорваться с крючка, публично, с максимальным травмирующим психику жертвы резонансом, «разоблачить» её («поймав на лжи»). Это – удар, калечащий психику человека и ломающий его волю к сопротивлению. Если целью операции является только болевой травмирующий эффект, то на этом этапе операция завершается. Но если при этом мишень, не выдержав натиска, начинает сдавать свои позиции и соглашается на условия, к принятию которых ее вынуждают, то встает новый вопрос: как закрепить достигнутый результат, который может быть потерян, как только жертва придет в себя и залечит раны.

Если жертва дала себя выманить, проглотила приманку и попала в ловушку, этот удар ее либо сломает, либо надломит и сделает податливой (по крайней мере, на время) для того, чтобы навязать ей свои условия. Будучи в состоянии надлома, жертва не сможет их не принять; однако для того, чтобы затем она не отказалась от своих обязательств, заявив, что «была на эмоциях» и «ее вынудили», необходимо обеспечить жертве мягкое возвращение в состояние «новой нормальности», снимая пресс, которым жертва оказалась «придавлена» на предыдущем этапе операции (осуществляя декомпрессию). Главным травмирующим фактором при этом становится психологическая неспособность жертвы внутренне смириться с поражением и с вытекающими из него новыми

условиями существования. Эта проблема решается с помощью «информационной прививки».

«Информационная прививка» позволяет жертве внутренне смириться с поражением на условиях противника и с наметившимся у жертвы внутренним психологическим надломом. В этих условиях информационная прививка, по сути, призвана осуществить посттравматическое воздействие: мишень должна оставаться на поводке; добровольно (под давлением сложившихся обстоятельств) принять «новую нормальность», в которую ее поместили победители, как есть; не должна замкнуться в себе (уйти в себя, спрятаться в бункер, откуда ее потом будет крайне сложно выманить снова). Она подсказывает жертве формулу компромисса с самим собой: начинается активный синтез «постправды» по принципу: не можешь смириться с ситуацией – измени свое отношение к ней. В ходе этого процесса у жертвы формируется комплекс оправдания своих действий и совершенных ошибок и просчетов (при этом ее активно утешают, внушая нужные мысли); жертве помогают убедить саму себя, что ее поражение было неизбежно, что на ее месте так поступил бы каждый (и каждый попался бы), что это было заранее предопределено или что просто звезды так сложились; а потом внушается надежда на то, что в будущем все будет по-другому. Это позволяет жертве оставаться на крючке и, фактически, согласиться с новыми правилами игры, внушенными ей победителями вместо того, чтобы бороться.

Постправда оказывается мощным манипулятивным ресурсом, подавляющим сопротивление на уровне нейронов. В результате жертва остается «на поводке», на связи, позволив убедить себя в том, что «надежда есть!» и что «в следующий раз мы им всем покажем».